

1833 ГОД В ТВОРЧЕСТВЕ ПУШКИНА.

I

Тридцатые годы, последние в жизни Пушкина, имеют в своем начале знаменитую „Болдинскую осень“ 1830 года, краткий, но беспримерный по интенсивности творчества период.

В середине тех же годов прошла, также в творчески-напряженной работе, вторая „Болдинская осень“ 1833 года, более короткая (1 октября — середина ноября), но отмеченная фактом исключительного значения — созданием петербургской повести „Медный Всадник“.

Если построить график творческой работы Пушкина за 1830 и 1833 г., то кривая, остающаяся внизу графической сетки в первые месяцы года и за все лето, делает бурный взлет в осенние месяцы, проведенные в Болдине, и падает круто вниз к концу года.

Болдино 1830 года, это — Пушкин, еще окрыленный славой поэта, еще не расставшийся с „Евгением Онегиным“, многолетним спутником лучшей творческой поры, — Пушкин, все еще стоящий у ясного источника жизнерадостных настроений. То, что дала

осень 1830 года, переключается с периодом первого замысла „Евгения Онегина“, днями пребывания в с. Михайловском („Граф Нулин“ — „Домик в Коломне“; „Борис Годунов“ — четыре драматические сцены), лирикой начала двадцатых годов. Оживленно и бодро сообщает Пушкин в письмах друзьям о богатейшем результате Болдинской работы (письма Дельвигу и Плетневу в ноябре и декабре 1830 г.).

Болдино 1833 года, это — Пушкин, ищущий выхода в кольце социальных противоречий, озабоченный мыслью — обеспечить жизнь своей семьи литературным трудом, — нередко оставляющий начатое незаконченным в стремлении к новым темам, к новым работам. Нет более радостных писем друзьям о счастливо законченном труде. — „Начал многое, но ни к чему нет охоты“ — писал он жене после трехнедельного пребывания в Болдине: „работаю лениво... хандра грызла меня“.

Но едва было отправлено это письмо, как наступил перелом в настроении. В четыре дня (24—27 октября) Пушкин закончил поэму „Анджело“ и, увлечаемый внезапным творческим порывом, в три дня создал почти всего „Медного Всадника“ (пометы на рукописи 29, 30 и 31 октября — 5 час. 5 мин.).

Точно отраженными вспышками молний первой Болдинской осени с ее бурей творчества, „вихрем, роющим поля“, озарилось сумеречное Болдино 1833 г.

Так прошли короткие дни конца октября. А дальше — отъезд в Петербург, и там последние годы, с их „раздумьями“ о тяжелой „зависимости“, о желанном покое, — годы, отмеченные заметным снижением творческой работы, — снижением, быть может, временным, если бы не оборвалась трагически жизнь.

II

Болдино было целью стремлений Пушкина, когда еще в феврале 1833 года он задумывал поездку на восток. Своему другу Нащокину он писал о своем плане поехать в Нижегородскую губернию (Болдино), писал, что путешествие ему нужно и „нравственно и физически“.

„Нет у меня досуга, — жаловался он Нащокину, — вольной холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь в свете, жена моя в большой моде — все это требует денег, деньги достаются мне через труды, а труды требуют уединения“.

К лету у Пушкина создалось решение ехать в Оренбург и Казань, чтобы посетить места, связанные с восстанием Пугачева, и собрать материалы для истории „пугачевщины“ и задуманного тогда романа („Капитанской Дочки“). Поездка на 4 месяца была разрешена Николаем I, о чем Пушкина уведомил, по поручению графа Бенкендорфа, А. Н. Мордвинов письмом от 7 августа 1833 года.

17 августа Пушкин выехал из Петербурга и весь август и сентябрь был в непрерывных переездах, часто не останавливаясь даже на ночлег. Мысль добраться скорее до Болдина была неотступной. Приехав 18 сентября после столь долгого пути в Оренбург, Пушкин остается там только два дня и в этот короткий промежуток пытается собрать необходимые сведения по истории Пугачева. Вместе с писателем В. И. Далем, жившим тогда в Оренбурге, Пушкин ездил в казачье селение Бёрды, где была стоянка Пугачева во время осады им Оренбурга. В Бёрдах старая казачка Бунтова, современница Пугачева, водила Пушкина в избу, — „золотые палаты“ Пугачева, рассказывала о взятии им крепости Нижне-Озерной и пела песни о Пугачеве. Рассказы Бунтовой были взяты Пушкиным, как материал для истории пугачевщины и повести „Капитанская Дочка“.

Все так же спеша, Пушкин побывал между 20 и 23 сентября в Уральске, у яицких казаков и оттуда, заехав по пути только в Языково (имение поэта Н. М. Языкова и его братьев), направился наконец в Болдино. Первого октября конечная цель была достигнута — Пушкин был в Болдине.

Чаяния, возлагаемые Пушкиным на Болдино, на осеннюю пору, неизменно оправдывались. Об этих днях Пушкин говорит в строфах „Осени“ (окончена в 1833 г.):

И с каждой осенью я расцветаю вновь;
Здоровью моему полезен русский холод...
.....
Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят — я снова счастлив, молод...
.....
И забываю мир, и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне...

Такое настроение в 1833 году пришло только в конце пребывания Пушкина в Болдине, когда он с удовлетворением писал жене (письмо от 30 октября): „Просыпаюсь в 7 часов, пью кофей и лежу до 3-х часов. Недавно расписался и уже написал пропасть.“ Это тот долгожданный момент, о котором он писал еще в пути из Оренбурга: „уж чувствую, что дурь на меня находит, я и в коляске сочиняю, что ж будет в постели?“

III

Чрезвычайно трудно дать общую характеристику творчества 1833 года. Как и в Болдинскую осень 1830 года, мысль поэта ищет воплощения в разнообразных жанрах и формах. Трудно представить, как умещается, подобно звеньям одной цепи, завершение петербургской повести „Медный Всадник“ между оформлением в Болдине двух сказок: „Сказки о рыбаке и рыбке“ и „Сказки о мертвой царевне и семи богатырях.“

Славословный гимн Петербургу, реалистическое описание наводнения и бедного предместья, образное представление самодержавия и стихийного бунта против него, — все эти основные, волнующие и поэта, и читателя элементы повести, хронологически идут рядом с эпическим спокойствием сказок с их былинно-бытовыми картинами. Сегодня — поэт, дающий потрясающий образ „державца полумира“, поднявшего „Россию на дыбы“; завтра — объективно-бесстрастный сказитель сказочных чудес, с мягкой усмешкой ведущий повествование.

31 октября ставится последняя помета на рукописи „Медного Всадника“, а через день появляется другая помета под законченным предисловием к „Истории Пугачева“, делового, протокольного характера.

В лирике в период 1833 года создаются: „Не дай мне бог сойти с ума“ — пьеса острой душевной напряженности; хвала мудрому наслаждению — „Бог веселый винограда“ и отрывок типа альбомных набросков „Когда б не смутное влеченье“; — „Подражания древним“ с их мерным гекзаметром, с пышным описанием античного пира, утонченно-ритмический отрывок: „Не розу пафосскую... я ныне пою“ чередуются со стихами „Сват Иван, как пить мы станем“, написанными складом деревенской песни с шуточными прибаутками, и отрывком также песенно-шуточного характера „Колокольчики звенят“.

Поэмы, лирика и сказки сменяются прозой. С 1833 годом связаны неоконченный „Дубровский“ и „Пиковая Дама“, работа над которой закончилась к январю 1834 года. Жанр повестей различный. „Дубровский“ — повесть с определенно-выявленной социальной установкой ¹⁾. „Пиковая Дама“ содержит фантастические элементы, сближающие сюжет повести с рассказами Гофмана.

Та же многожанровость, типичная для пушкинского творчества, нашедшая широкое отражение во всей творческой работе 1833 года, проявилась в выборе тем и оформлении остального ряда произведений того же года.

Неоконченная поэма о Тавите и Гасубе по своей теме и бытовым картинам из жизни горцев сближается с первой кавказской поэмой „Кавказским Пленником“ 1821 года. Тема другой поэмы „Анджело“ взята из Шекспира и через текст трагедии „Мера за меру“ воспроизводит специфические черты ее первоисточника — итальянской новеллы времен Возрождения. Наряду с этим создается „сатирическая поэма“ — „Родословная моего героя“, написанная „онегинской строфой“ и оставшаяся неоконченной.

В начале года складывается в стихах баллада „Гусар“, шуточно-фантастическая по своему сюжету.

¹⁾ См. статью Д. П. Якубовича „Незавершенный роман Пушкина“ стр. 38 и далее.

Для двух других баллад „Воевода“ и „Будрыс и его сыновья“ заимствуются темы иного характера из Мицкевича. Тема „Будрыса“ отражает воинственные нравы литовцев в лице старого вояки Будрыса, с характерным эпизодом умыкания невест, похищаемых сыновьями Будрыса из стана поляков. Тема „Воеводы“ поставлена острее. На канве походной жизни воеводы и измены молодой его жены происходит неожиданная развязка: слуга („хлопец“), вызванный для расправы с застигнутыми любовниками, застреливает самого воеводу.

Параллельно с художественным творчеством Пушкин с настойчивостью ведет в течение всего 1833 года работу над историческими материалами по „Истории Пугачева“, переименованной впоследствии Николаем I, „высочайшим“ цензором сочинений Пушкина, в „Историю Пугачевского бунта“.

Работа над архивными документами шла настолько успешно, что к концу мая 1833 г. было написано шесть глав, а после посещения Оренбурга и других мест, через которые прошла пугачевщина, Пушкин, находясь уже в Болдине, вчерне написал основной текст „Истории Пугачева“. Окончательная редакция и выпуск в свет „Истории Пугачева“ относятся к 1834 г.

Но этим еще не исчерпывается все разнообразие деятельности Пушкина. В 1833 году им начаты записки о Радищеве и его „Путешествии“ под наи-

менованием „Мысли на дороге“, и к концу того же года относятся первые записи в сохранившейся части „Дневника“ (рукописная тетрадь № 2; тетрадь № 1 остается неизвестной).

„История Пугачева“, „Мысли на дороге“ и „Дневник“ являются объективными документами для суждения о политическом облике Пушкина в 1833—1834 годах. Для правильного освещения этого вопроса необходим углубленный анализ этих произведений, который не может входить в задачу настоящей статьи — общего очерка творческой работы в пределах 1833 года ¹⁾.

Но следует остановиться на том общеизвестном факте, что в 1833-м, как и в смежные годы, Пушкин не имел свободы в высказывании своих политических взглядов. Сдавленный сверху двойной цензурой царя и шефа жандармов графа Бенкендорфа, он мог или молчать, или писать, оставаясь в границах, предугазанных столь могущественной цензурой.

Не мог он высказываться свободно и в письмах, так как даже переписка его с женою не была гарантирована от перлюстрации. Глубоко был возмущен Пушкин, когда узнал, что одно из его писем (в апреле 1834 года) было перехвачено полицией и представлено царю. Этот факт имел значение в том

¹⁾ Дать этот анализ предполагается в выпуске, посвященном 1834 году.

переломе его отношения к Николаю I, который проявился вскоре после 1833 года.

Стремясь выйти из под опеки царя и Бенкендорфа, Пушкин писал жене (в 1834 году): „теперь они смотрят на меня, как на холопа, с которым можно им поступать, как им угодно. Опала легче презрения. Я, как Ломоносов, не хочу быть шутком ниже у господ бога.“

Таких протестующих высказываний нет еще в переписке за 1833 год. Единственно из письма к П. А. Осиповой от 13 (14) мая можно видеть, насколько тягостно было для Пушкина пребывание в Петербурге.

Почти безнадежно было для него найти выход из создавшихся социальных противоречий. Происходя из старинного помещичьего дворянства и будучи органически связан с феодально-крепостническим строем, Пушкин, как писатель-профессионал, экономически зависел от своего литературного заработка в большей степени, чем от доходов по эксплуатации крестьянского подневольного труда. Тем самым он подпадал под влияние новых социально-экономических — буржуазных — отношений.

Эта двойственность и создала неустранимое противоречие, вызывая критическое отношение Пушкина и к тем, и к другим социальным позициям.

Значительный промежуток времени отделяет 1833 год от тех лет, когда Пушкиным были даны

его революционные стихотворения. Менее всего можно видеть в нем в период 1833 г. и смежных годов революционера, но тема бунта, восстания не перестает привлекать его мысль. Как бы объективно, сухо-документально ни была написана история Пугачева, в силу цензурных тисков, все же темой Пушкина и здесь был бунт, и та же тема бунта вспыхивает как-то внезапно и в „Медном Всаднике“; в одном жесте, в одной фразе перед бронзовым „властелином судьбы“ проходит она четко и обнаженно и подымает до революционного пафоса эту поразительную сцену между „державцем полумира“ и деклассированным дворянином.

IV

В Болдине Пушкиным была завершена поэма „Анджело“, произведение, спорное по даваемой ему критической оценке, своеобразное по способу использования тематического источника.

„Анджело“, по существу, отображение трагедии Шекспира „Мера за меру“. Начатый Пушкиным перевод трагедии в процессе творчества перешел в оригинальное произведение, оформляемое то в строфах поэмы, то в диалогах развивающегося драматического действия. Но мысль поэта все время связана с нитью шекспировской трагедии и в текст поэмы, даваемой в самостоятельной переработке фабулы и действия, вкраплены стихи, являющиеся точным

переводом отдельных мест трагедии. Оригинальное пушкинское здесь чередуется то с пересказом, то с близким к источнику переводом.

Еще за много лет до написания „Анджело“ мысль Пушкина останавливалась на Шекспире. В заметках о „Борисе Годунове“ Пушкин отмечал: „Шекспиру подражал я в его вольном и широком изображении характеров, в необыкновенном составлении типов и простоте“. В трагедии „Мера за меру“ Пушкина поразила „глубина характера“ Анджело. Характеризуя Анджело как лицемера, у которого „гласные действия противоречат тайным страстям“, он сравнивает Анджело (в литературных заметках 1833 г.) с типом лицемера у Мольера. Лицемер Мольера остается таким во всех своих действиях; характер же Анджело многосложен: „он произносит судебный приговор с тщеславной строгостью, но справедливо; он оправдывает свою жестокость глубокомысленным суждением государственного человека; он обольщает невинность сильными, увлекательными софизмами, не смешною смесью набожности и волокитства“.

Анджело приковал внимание Пушкина и на нем сосредоточено действие поэмы.

Стихи, характеризующие Анджело, не заимствованы у Шекспира и дают ясный, чеканный облик:

Был некто Анджело, муж опытный, не новый
В искусстве властвовать, обычаем суровый,

Бледнеющий в трудах, ученьи и посте,
За нравы строгие прославленный везде,
Стеснивший весь себя оградю законной,
С нахмуренным лицом и волей непреклонной.

Эти черты Анджело, столь непоколебимо цельного в своем поведении, должны повести к напряженно трагическому положению, когда наступает, так внезапно и неотразимо волнуяще — испытание его воли над вспыхнувшей страстью к Изабелле.

Воля Анджело сломлена, когда у его ног, в его власти Изабелла, сестра Клавдио, приговоренного к казни за обольщение Джульетты.

Наедине с самим собою Анджело проводит всю ночь в борьбе с преступным желанием:

«.... размышлять, молиться хочет он,
Но мыслит, молится рассеянно. Словами
Он небу говорит, а волей и мечтами
Стремится к ней одной...»

Высшей точкой развития драматического действия является диалог Анджело и Изабеллы (сцена II и IV второго действия у Шекспира и IX—XIII строфы I части и III сцена части второй у Пушкина). Здесь у Пушкина идет пересказ драматического диалога Шекспира, и это связывает поэта и явно влияет на силу и выразительность повествования. Лаконизм Пушкина, все более развивавшийся

*

у него с годами, сжимает рамки действия, почти устраняет выражение чувств, а с этим исчезает и широта изображения и формы Шекспира. У Шекспира перед вторым появлением Изабеллы, ищущей спасения брата, Анджело весь охвачен страстным волнением:

Как сильно кровь вдруг к сердцу прилила,
Его лишая силы и движенья,
И члены все как будто отнялись (в переводе Ф. Миллера).

У Пушкина — Анджело выходит к Изабелле в каком-то неестественном спокойствии и, пытаясь исторгнуть у нее согласие на преступную связь, говорит сухими умозаключениями (ведя, действительно, „странный“ разговор, как обмолвился поэт):

Положим, тот, кто б мог один спасти его

.....

К тебе желаньем был преступным воспален

И требовал, чтоб ты казнь брата искупила

Своим падением; не то — решит закон.

Что скажешь? Как бы ты в своем уме решила?

Так мог бы говорить Анджело о ком-либо другом, как вопрошающий судья, а не Анджело, у которого — „в сердце грех кипел“. В мерно-расудочных тонах ведет он весь диалог.

У Шекспира Анджело говорит Изабелле об ее красоте, говорит, что и мужчины бывают слабы и

поддаются соблазну, и после этого открывается ей в своей любви.

Лаконизм Пушкина исключил эти переживания Анджело и его восхищение красотой Изабеллы. Требование ответной любви звучит как ультиматум властелина к женщине, измученной страхом за участь брата.

Тот же лаконизм заставил Пушкина сократить тему о герцоге („Дук“ у Пушкина), который, как сказочный Гарун-аль-Рашид, инкогнито смешался с массой и следил, что делается в оставленном им на время государстве. А с темой герцога сплетается у Шекспира широкое повествование о грубых и развратных нравах города, вводится и комический элемент: проходят бездельники и развратники, шут, продажные женщины, плут — констебль и т. д., наряду с сгущенным драматическим действием широко охватывается и социальная среда. Дается то „вольное“ изображение характеров, которое привлекало Пушкина и мимо которого он прошел, создавая „Анджело“.

Форма поэмы с шестистопными ямбами дала эпическое бесстрашие теме. Медленность, чувствуемая весомость стиха связывает действие. Если Шекспир заимствовал тему из пьесы Джорджа Уэтстона „Промос и Кассандра“ (1578 г.) и через него из итальянской новеллы Джиральди Чинтио (1565 г.), то Пушкин, извлекая сюжет через жерера-

ботку Шекспира, сумел ближе подойти к итальянской новелле времен Возрождения, прототипу шекспировской трагедии и к ее своеобразному стилю. Отсюда простота изображения без эмоциональной подчеркнутости и специфичность многих выражений, приближающихся к басенному повествованию.

Например:

По пятницам пошли разыгрываться казни,
И ухо стал себе почесывать народ
И говорить: эхе! да вот уж не тот...
.....

Или:

Преобразились привычки уж в права,
И шмыгают кругом закона на свободе,
Как мыши около зевающего льва.
Закон не должен быть пужало из тряпицы,
На коем наконец уже садятся птицы.

В этом снижении стиля сказывается то искание упрощенных форм, которое с такой определенностью проявилось у Пушкина в „Повестях Белкина“ и не покидало его в последние годы творчества.

Тем контрастнее и ярче звучат такие пламенные стихи, как порыв к жизни Клавдио, осужденного на смерть:

..... Увы! земля прекрасна
И жизнь мила. А тут: войти в немую мглу
..... иль с ветром быстротечным
Носиться в пустоте, пространством бесконечным...

И все что, грезится отчаянной мечте...
Нет, нет: земная жизнь в болезни, в нищете,
В печалях, в старости, в неволе... будет раем
В сравнении с тем, чего за гробом ожидаем!

„Анджело“, как и у Шекспира, заканчивается умиротворяющей развязкой. Лицемерие Анджело разоблачено, его ждет суровая казнь, но общий эмоционально-радостный подъем, вызванный спасением Клавдио, передается и старому Дуку. Действие кончается лаконическим стихом:

И Дук его простил.

В этой концовке, в трех словах заключающей развязку действия, есть нечто неотъемлемо пушкинское.

Поэма „Анджело“ была напечатана в альманахе Смирдина „Новоселье“ 1834 г. Часть критики жестко и сухо встретила появление поэмы. Белинский дважды возвращался к теме об „Анджело“ и каждый раз не видел в поэме ничего больше, как образец технического искусства; поэма представлялась ему написанной „без вдохновения, без жизни“, стоящей ниже таланта Пушкина. Это было, конечно, крайностью. Правда, печать некоторой усталости лежит на этом произведении; есть стихи, дающие впечатление необработанности. Но надо перечитать „Анджело“ не один раз, и тогда открываются в поэме места, замечательные по содержанию и форме.

Сам Пушкин высоко ценил поэму и тем острее чувствовал намеки критики на упадок его творчества и горечь от „своевольных и скудоумно бесполезных“ — по его выражению — замечаний цензуры, в лице цензора Никитенко и министра Уварова.

V

Другая поэма 1833 года, задуманная Пушкиным еще в 1829 г. под влиянием кавказских впечатлений (путешествие в Арзрум), осталась незаконченной. Это — поэма о Тазите, помещавшаяся в прежних изданиях под наименованием „Галуб“ (неправильное чтение данного Пушкиным имени „Гасуб“).

В 1833 году Пушкиным написаны последние из дошедших до нас строф поэмы. Поэма оборвалась на моменте трагического наслоения действия, а казалось, ее развязка, предвосхищаемая в ярких образах борьбы и гибели Тазита и его возлюбленной, должна была бы вновь привлечь к ней внимание поэта.

В замечательных по форме стихах дает Пушкин бытовую сцену похорон сына Гасуба, доводит до трагического напряжения три сцены — диалога между Гасубом и его вторым сыном Тазитом, воспроизводит игры черкесов, полные отваги, и на фоне их два печальных образа Тазита, изгнанного отцом, и его возлюбленной — и здесь обрывается поэма.

По оставшемуся черновому наброску можно восстановить часть повествования о том, как Тазит был отвергнут отцом его возлюбленной, как старик-чеченец отказывается отдать свою дочь тому, „кто в бой вступить не смеет... кто мстить за брата не умеет, кто изгнан и проклят отцом“.

Трагизм положения возникает из столкновения дикой и суровой воли Гасуба, проникнутого жестокими и мстительными традициями, с пассивно-гуманным настроением Тазита.

Поэма в неоконченном виде была напечатана впервые после смерти Пушкина в третьей книге „Современника“ 1837 г. под ошибочным наименованием „Галуб“. Критикой были особенно отмечены превосходный язык поэмы и стихотворное мастерство. Анализ трагического столкновения Гасуба и Тазита был дан Белинским.

Полна юмора и блеска повествования баллада „Гусар“, появившаяся в „Библиотеке для чтения“ за 1834 г.

Издатель „Библиотеки для чтения“, Смирдин, книжная лавка которого обратилась в излюбленное место встречи писателей, уплатил Пушкину за „Гусара“ весьма высокий по тем временам гонорар в тысячу рублей. Из письма В. Д. Комовского к А. М. Языкову узнаем, что Смирдин при нем жаловался на чрезмерные требования Пушкина:

за „три пьески“ — 15000 р. — „Пушкин прав, продавая втридорога свои стихи, — заметил на это Языков, — с торгашами так и должно“. Этот факт особенно подчеркивает профессиональное отношение Пушкина к своему творчеству.

Написанные в Болдине сказки „О рыбаке и рыбке“ и „О мертвой царевне и семи богатырях“ относятся к циклу сказок, созданных Пушкиным в тридцатых годах. Цикл был начат в 1831 году „Сказкой о царе Салтане“ и заключен „Сказкой о золотом петушке“, написанной в 1833—1834 годах.

Устное творчество глубоко пленило Пушкина в годы его пребывания в с. Михайловском (1824—1826 годы). С наслаждением слушал он в долгие зимние вечера своего домашнего „сказителя“, старую няню Арину Родионовну.

„Вечером слушаю сказки,“ — писал он своему брату в ноябре 1824 г., — „и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!“

Тогда же он стал делать записи слышанных им сказок и среди них была занесена им запись весьма популярной в крестьянской среде сказки о мертвой царевне и семи богатырях.

Иное мнение существует об источниках „Сказки о рыбаке и рыбке“, казалось бы, всеми корнями выросшей в русский быт. Основываясь на том, что

среди записей Пушкина, взятых им из живого источника, сюжета этой сказки не имеется и что подобный сюжет о превращениях иначе трактуется в русских сказках, исследователи сопоставляют „Сказку о рыбаке и рыбке“ с сюжетами иностранной сказочной литературы и находят аналогию с темой одной из сказок, вошедшей в известный сборник сказок братьев Гримм (1812 г.). В подтверждение этого мнения приводится ссылка и на то, что в недавно найденной черновой рукописи кроме превращения старухи в царицу есть дальнейшее нарастание ее ничем неудовлетворяемых требований:

Не хочу быть вольной царицей,
А хочу быть римскою папой.

„Римский папа“, разумеется, не мог быть заимствован из крестьянских сказочных повествований и заставляет предполагать иностранный источник.

Наряду с этим существует мнение, что сюжет сказки был сообщен Пушкину В. И. Далем, с которым Пушкин виделся в Оренбурге за месяц до написания сказки в Болдине. Пушкин послал Дально рукописный экземпляр „Сказки о рыбаке и рыбке“ с надписью: „Твоя от твоих. Сказочнику казаку Луганскому сказочник Александр Пушкин“.

Но как бы ни решался вопрос об источнике, элементы „Сказки о рыбаке и рыбке“ отражают русский быт: тут и „изба со светелкой“, и „дубовые

тесовые ворота“, и „терем“, „столбовая дворянка“ в „собольей душегрейке“, и царские палаты, где служат царице бояре да дворяне и т. д. Сказка пестрит как цветистый народный лубок. Оригинальна и форма сказки, написанной вольным стихом.

„Сказка о мертвой царевне“ была напечатана в „Библиотке для чтения“ в 1834 г., т. II. Современная Пушкину критика отнеслась к ней отрицательно, не признав в ней элементов подлинной народности.

„Сказка о рыбаке и рыбке“ была напечатана также в „Библиотеке для чтения“, но несколько позднее, в 1835 году.

VI

Лирика, датируемая 1833 годом, носит редкий, отрывочный характер. Лирические настроения поэта становятся случайными, быстро проходящими, среди законченных пьес все чаще появляются незавершенные, незаконченные.

Таких незавершенных пьес — семь и среди них отрывок из дорожных настроений: „В поле чистом серебрится снег волнистый и рябой“ и отрывок „бичующей сатиры“: „Французских рифмачей суровый судия“.

Особо стоит, также неоконченная, „Осень“, „одетая в багрец и в золото“ своих великолепных строф, — это восторженное признание поэта в своем влечении к осени, к ее „прощальной красе“, — образ-

ное воспроизведение его творческих переживаний в „дни поздней осени“.

Среди оконченных пьес — „Когда б не смутное влечение“, „Подражания древним“, „Бог веселый винограда“ и пьеса, необычная для Пушкина по настроению — „Не дай мне бог сойти с ума“.

Есть свидетельство (П. В. Анненкова), что это стихотворение написано одновременно с „Медным Всадником“. С принятием такого утверждения за достоверное становится более ясным самое возникновение этой пьесы.

Заклячая „Медного Всадника“ сценой безумия Евгения, поэт коснулся бредовой сферы сумасшествия, с переходами от мрачной угнетенности к смеху:

И полон сумрачной заботы,
Все ходит, ходит он кругом,
Толкует громко сам с собою —
И вдруг, ударя в лоб рукою,
Захотел...

Больше ста стихов поэмы отданы изображению сумасшествия Евгения и его скитаниям:

Итак он свой несчастный век
Влачил ни зверь, ни человек...

Во вторую осень после катастрофического наводнения, когда снова „мрачно было, дождь капал, ветер выл уныло и с ним вдали, во тьме ночной,

перекликался часовой "... мысль прояснилась на мгновенье в больном мозгу Евгения.

На Сенатской площади перед „кумиром на бронзовом коне“ он во внезапном прояснении осознал виновника всех чудовищных бедствий, поднявшего „уздой железной“ Россию „на дыбы“.

„Как обуюнный силой черной“, с угрозой подступил Евгений к „горделивому истукану“:

„Ужо тебе!..“ и вдруг стремглав
Бежать пустился..
Бежит и слышит за собой
Как будто грома грохотанье —
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой.
И озарен луною бледной,
Простерши руку в вышине,
За ним несется Всадник Медный
На звонко скачущем коне..

Пройдя в творческой фантазии через бредовые мысли Евгения, через потрясающие его галлюцинации — поэт мог до реальности ощутить всю неуловимость перехода от напряженно творческого возбуждения к фантазии „смятенного ума“ и выразить это острое переживание в строфах „Не дай мне бог сойти с ума“.

В представлении поэта лучше „посох и сума“, лучше все лишения и бедствия, чем сумасшествие с лишением физической свободы. Но если бы дали

волю поэту, — „счастья полн“ глядел бы он в небеса, „заслушивался б волн“ и пел бы в „пламенном бреду“. Свободное скитальчество — завидный удел безумца:

И силен, волен был бы я,
Как вихорь, роющий поля.

Это сознание силы и воли сближает эти строки с теми творческими настроениями, которые в давно прошедшие годы были выражены поэтом:

И тяжким, пламенным недугом
Была полна моя глава...
.....
В гармонии соперник мой
Был шум лесов, иль вихорь бурный.

Здесь тот же „вихорь бурный“ — и творчество, как „пламенный недуг“.

Безумие не страшит поэта — „да вот беда“:

Как раз тебя запрут,
Посадят на цепь дурака,
И сквозь решетку, как зверка,
Дразнить тебя придут.

Этот страх перед неволей, перед железной решеткой звучит как эхо личных переживаний поэта, стремящегося уйти из-за позолоченной решетки прославленного им Петербурга — с царем, Бенкендорфом, цензурой, тайным надзором, влословием и враждебностью высшего света.

Это та неволя, про которую с возмущением говорит Пушкин в письме к своей жене: „зависимость, которую налагаем на себя из честолюбия или нужды, унижает нас“, — та власть и та аристократия, которые смотрят на него, — по его же выражению, — „как на холопа“ и считают себя вправе „поступить“ с ним „как им угодно“.

Евг. Давыдов.

Февраль 1933 г.

ПУШКИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Серия: „Последние годы
творчества Пушкина“

— 1833 — 1837 —

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

Л Е Н И Н Г Р А Д
1 9 3 3